

**ЛУЧШИЕ
МОЛОДЕЖНЫЕ
ТРИЛЛЕРЫ**

КРИСТИН ТЕРРИЛЛ

**ЗДЕСЬ
ПОКОИТСЯ
ДЭНИЕЛ
ТЕЙТ**

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31 (73)

ББК 84(7Coe)-44

T35

Cristin Terrill

HERE LIES DANIEL TATE

*Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Book Crossing Borders, Inc. и Nova Littera SIA.*

Перевод с английского *Ольги Полей*

Дизайн обложки *Екатерины Фerez*

Террилл, Кристин.

T35 Здесь покоится Дэниел Тейт: [роман] / Кристин Террилл; пер. с англ. О. Полей. — Москва: Издательство АСТ, 2019. — 416 с. — (Лучшие молодежные триллеры).

ISBN 978-5-17-113068-8

Дэниел Тейт пропал без вести, когда ему было десять. Многолетние поиски, убитая горем семья, незакрытое дело ФБР... И вот спустя шесть лет похожего юношу находят на заснеженной улице в Ванкувере. Поначалу он молчит, но в конце концов называет властям свое имя и рассказывает невероятную историю своего похищения и чудесного спасения из плена. И вот уже счастливые брат с сестрой приезжают забрать его домой.

Идеально. Чудесно. За исключением одного:
Этот юноша НЕ Дэниел Тейт.

Но он отчаянно хочет им быть, ведь прежняя его жизнь — череда разочарований и потерь. А у Дэниела есть все, о чем он когда-либо мечтал: богатство, привилегии, шанс начать все сначала и, самое главное, семья, которая любит его.

Только возможно, Дэниел вообще не пропал. Может быть, кто-то знает, что на самом деле случилось с мальчиком, которым притворяется самозванец... и если он не докопается до истины, то вполне может стать следующим исчезнувшим Дэниелом Тейтом.

УДК 821.111-31 (73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-113068-8

Copyright © 2017 by Cristin Terrill
© О. Полей, перевод на русский язык, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Это первое, о чем все спрашивают: «Как тебя зовут?»

Не скажу, потому что врать не хочу. Хочу хоть раз в жизни сказать правду, а не выдумывать фальшивые имена, как раньше, когда меня спрашивали. Тогда у меня выбора не было. Я был обманщиком с рождения, а свое настоящее имя к тому времени, как началась эта история, сам уже почти забыл. Того парня я похоронил в маленьком городишке в Саскачеване, там, где снег делается серым, как только ляжет на землю. Это не метафора — я сейчас не том, что отказался от его имени и от его прошлого, хотя это тоже правда. Я хочу сказать — я его убил.

Как-то ночью я тайком вернулся в этот городок, стараясь держаться подальше от фонарей, разливающих вокруг лужицы света, и обходя стороной те дома, где, я знал, могут поднять лай собаки. Давнишний, уже затоптанный снег похрустывал под ногами. На ходу я гладил пальцами глянцевую бейсбольную карточку в кармане пальто — уже помятую, с обтрепавшимися уголками, потому что я слишком часто вертел ее в руках. Карточка была не настоящая,

просто моя фотография в бейсбольной форме, а внизу мое имя печатными буквами. На этой фотографии мне было шесть лет, и в улыбающемся рту уже была щербинка на месте зуба, выбитого кулаком. Но я все равно улыбался.

Я подошел к дому матери, встал в тени, под деревьями и стал смотреть на нее через окно. Она сидела в том же кресле, что и всегда, и переключала каналы в телевизоре. Я не видел ее целый год и, наверное, ждал, что почувствую... что-нибудь. Но ничего не почувствовал. В груди, там, где этому чувству полагалось быть, осталась привычная пустая дыра, и больше ничего.

Я набрал номер по памяти. Снег падал, налипал на ресницы, и я смаргивал снежинки, чтобы лучше видеть ее. После третьего звонка она встала с кресла и подошла к старомодному аппарату на стене.

— Алло? — проговорила она неразборчиво: во рту торчала сигарета.

— Миссис Смит? — сказал я. Ну, не совсем так, конечно — фамилия у меня другая. — Это офицер Грин из Королевской конной полиции.

— Да? — отозвалась она. Звонок из полиции несколько ее не встревожил.

— Это касается вашего сына. К сожалению, произошел несчастный случай. — Я сказал ей, что погиб под колесами водителя-лихача, когда переходил улицу в гололед. Я хорошо видел ее лицо. Она долго стояла молча, не шевелясь. Потом сказала:

— У меня нет сына.

Она повесила трубку, снова уселась в кресло, и на этом все было кончено. Я ушел, оставив мальчишку,

которым был когда-то, там, с ней, похоронив его под серым грязным снегом.

Но это еще даже не начало истории. По-настоящему она началась только через несколько лет, когда опять шел снег, и все вокруг было залито красным и синим светом от полицейских мигалок.

Я стоял и ежился от холода у одного из немногих уличных телефонов, сохранившихся в восточной части Ванкувера. Не ночевать же на улице в такую холодрыгу. Я набрал 911 и стал считать звонки. После седьмого отозвались:

— Девять-один-один. Что у вас случилось?

— Алло? — Я говорил низким, гортанным голосом, стараясь, чтобы он звучал поглубже. — Мы с женой тут наткнулись на одного парнишку, и... ну, короче, что-то с ним неладно. Вроде как не в себе он.

Я слышал, как женщина-диспетчер подавила звонок. Не то от скуки, не то просто не привыкла еще к ночным дежурствам.

— Сколько ему лет?

— Да лет пятнадцать-шестнадцать, что ли, — ответил я. Я уже знал, какое это имеет значение в таком деле, и, к счастью, мне не составляло труда их провести: лицо у меня еще вполне детское. — Я подумал — может, заблудился. Пусть его кто-нибудь заберет. Мороз же на улице.

Она спросила адрес и сообщила, что машина выехала. Я уселся на тротуар в узкой нише, где был когда-то вход в закрытую теперь аптеку. Цемент был ледяной, холод проникал сквозь джинсовую ткань,

но ничего, сидеть-то недолго. Я надвинул бейсболку на глаза, натянул сверху капюшон толстовки и стал ждать.

Полицейская машина подкатила без сирены, но мигалка была включена, и красные и синие лучи так и разлетались по кружевной занавеске падающего снега. Я поплотнее закутался в свою толстовку и низко нагнул голову, пряча лицо под козырьком.

— Привет, — сказал один из полицейских, помолже, выходя из машины. Голос у него был добрый, но он старался держаться на расстоянии. Только что из академии, нервничает еще. — С тобой все в порядке?

Другой полицейский, тот, что постарше, так не осторожничал — подошел, сел рядом. На левой руке у него было кольцо — может, свои дети дома такие, как я.

— Эй, приятель, как тебя зовут?

Я молчал. Даже глаз не поднял.

— Ну-ну, неужели даже не знаешь, кто ты такой, — не отставал старший полицейский. Голос у него был веселый, насмешливый. — Уж это-то все знают.

Не все.

— Ну ладно, — проговорил он, не дождавшись ответа. — Давай-ка, поехали-ка с нами, идет? Ты же вот-вот ооченеешь.

Он протянул руку, хотел взять меня за плечо, и я резко отшатнулся. Симулировать такую реакцию совсем нетрудно. Полицейский поднял руки, а его напарник схватился за кобуру на боку.

— Эй, эй, все в порядке, — сказал старший. Оглянулся на напарника — тот все еще стоял, готовый схватиться за револьвер, если я вдруг начну буйствовать. — Да бог с тобой, Пирсон. Не дергайся ты. Мы тебе ничего не сделаем, сынок, слово даю.

Не сразу, но я дал им уговорить себя — поднялся с тротуара и сел в патрульную машину. По дороге в участок они пытались втянуть меня в разговор, но я сидел, опустив голову и не раскрывая рта. Раньше-то мог бы и поговорить, рассказать какую-нибудь душеспитательную историю, но теперь уже знал, что молчание действует сильнее.

Они засунули меня в накопитель, дали сэндвич из автомата и чашку горячего шоколада и стали решать, что со мной делать. Я бы предпочел не связываться с представителями власти — рискованно все-таки, — но в «Ковенант Хаус» народу битком, а на улице холодно. Эти ребята — мой самый верный шанс провести ночь в постели. Примерно через час они вернулись, а с ними — невысокая белая женщина в джинсах, с растрепанным хвостом. Я забился в угол комнаты и сидел там, на тонком ковре, подтянув колени к груди. Она присела напротив, чтобы ее глаза были на одном уровне с моими, но на безопасном расстоянии — значит, явно не впервой. Она сказала, что ее зовут Алисия — тем негромким, успокаивающим голосом, которым, кажется, с рождения владеют все, кто работает с трудными детьми и дикими животными. Сказала, что работает в муниципальном приюте и хочет забрать меня туда, чтобы мне было где поспать.

— А завтра утром разберемся, как быть дальше.

Копы предали меня ей с рук на руки, как потерянный чемодан. Алисия села в патрульную машину позади меня, и помощник шерифа повез нас в приемник временного содержания № 8. Там за меня взялся коллега Алисии, Мартин — здоровенный черный парень с такой широкой белозубой улыбкой, какой я еще в жизни не видел. Он отвел меня в ванную и ждал за дверью, пока Алисия ходила за сменной одеждой. Я смыл грязь с лица, нахмурился при виде светлой щетины, уже снова пробившейся на подбородке, и пошарил в шкафчиках. Нашел полтюбика зубной пасты, выдалвил немного на палец и размазал по зубам. Мартин постучал в дверь, протянул мне футболку и спортивные штаны. От них пахло нафталином и стиральным порошком. Я переоделся, и он показал мне свободную кровать в комнате, где спали еще двое мальчишек.

— Тебе нужно что-нибудь? — спросил он. Я заметил, как он сводит плечи, чтобы занимать меньше места в пространстве. Он был из тех, кого в детстве все считают хулиганами из-за роста, а на самом деле он и мухи не обидит. Неудивительно, что такую работу выбрал.

Я покачал головой и улегся в кровать. Простыни были застираны до прозрачности, зато мягкие и приятно охладили кожу. Такая постель куда лучше, чем тротуар у обочины или какой-нибудь зачуханный приют для взрослых. Если держать язык за зубами, может, удастся протянуть тут пару недель.

Глаза у меня распахнулись сами собой. Во сне я сидел в каком-то тесном, темном помещении, а тут

кто-то навис надо мной и положил руку на плечо. У меня еще и взгляд толком не сфокусировался, и я не успел даже разглядеть, кто это — отбил чужую руку резким ударом, шарахнулся назад и вжался в стену.

— Ого! Ну извини. — У моей кровати стоял щуплый чернокожий парнишка и потирал ушибленную руку. Согнутым пальцем поправил очки на носу. — Я только хотел сказать — завтракать пора.

Мне стало немного совестно — у самого рука побаливала, значит, здорово я его стукнул, — но извиниться было нельзя. И вообще — нечего трогать меня, когда я сплю.

— Эй, ты, тебя как звать-то? — спросил второй сосед. У него была бритая голова и неумелая татуировка на шее — похоже, набита булавкой и чернилами в колонии для малолетних. Он оценивающе оглядел меня с ног до головы, пытаясь определить, что я за птица. Я холодно выдержал его взгляд.

— Ты что, глухой? — спросил он.

— Привет, ребята! — В дверях возникла Алисия с моей одеждой в руках — чистой, аккуратно сложенной. — Марш в столовую, ну-ка! Мартин блинчики испек.

Оба окинули меня подозрительными взглядами и вышли из комнаты. Алисия закрыла за ними дверь, села на кровать рядом с моей и сплела пальцы в замок.

— Привет, — сказала она. — Как самочувствие с утра?

Я пожал плечами.

— Готов поговорить?

Я покачал головой.

— Ну ничего, не хочешь — не надо, — сказала Алисия. — Но, может, скажешь хоть, как тебя зовут? Ребят тут много, кричать «Эй, ты» — не очень-то удобно.

Я сглотнул и уставился на простыню, которую тербил в пальцах.

— Ну ладно, как хочешь, — добавила она, — но надо же к тебе как-то обращаться. Тебя подобрали в полицейском участке Коллингвуда — что, если мы будем звать тебя пока Колином? Неплохое имя, в общем-то.

Я снова пожал плечами.

— Что ж, будем считать, что это знак согласия. — Женщина улыбнулась и хотела было положить мне руку на плечо, но благоразумно воздержалась. Протянула мне вещи: — Одевайся, и пойдем завтракать. Заодно и с другими ребятами познакомишься.

Алисия подождала за дверью, пока я переодевался в свои старые джинсы, футболку и толстовку, а затем отвела меня в столовую в другом конце здания. В комнате, битком набитой мальчишками, стоял гвалт и духота — слишком много тел было набито в такое маленькое пространство, и я видел, что Алисия поглядывает на меня — ждет, не сорвусь ли я в истерику. Не помешало бы, пожалуй, изобразить такую реакцию, чтобы правдоподобнее симулировать травму — убежать, спрятаться в спальне и не выходить, — но есть хотелось до чертиков.

Алиса уселась за стол, и я присел на свободный стул рядом с ней. Она протянула мне блюдо с блинчиками, я стянул вилкой к себе на тарелку три штуки,

чувствуя, как все глаза вокруг устремляются в мою сторону.

— Ребята, это Колин, — сказала Алисия. — Он пока поживет у нас. Он не очень-то разговорчивый, так что вы к нему не приставайте, договорились?

Мальчишки, а их было человек десять или больше, отреагировали по-разному. Кто-то сказал «привет», кто-то хмыкнул, кто-то вообще ничего не ответил. Потом все снова занялись своими блинчиками, и дело было сделано — я уже стал среди них своим.

Когда на третий день в приемнике № 8 я так и не заговорил — ни сотрудникам, ни полиции, не сказал, кто я и откуда, а потому меня нельзя было вернуть домой, — меня отвезли к государственному психологу. Я разыграл перед ней весь свой репертуар. Ночью перед приемом обгрыз ногти до крови: я знал, что она обратит на это внимание. Пока она со мной разговаривала, я сидел, сжавшись в комок в кресле, а когда пыталась надавить, начинал тихонько раскачиваться взад-вперед. Она сказала, что мне нужно время, что я откроюсь, когда буду готов. Именно на это я и рассчитывал.

По моим прикидкам, она помогла мне выиграть, по меньшей мере, неделю.

— Джейсон! Такер! — крикнул Мартин из коридора. Этот крик обычно будил нас по утрам. У моих соседей было только одно общее: оба терпеть не могли вылезать из постели. — Вставайте, говорю!

Джейсон заскулил, а Такер перевернулся н другой бок и засунул голову под подушку.

— А Колин? — сказал Джейсон. Приподнялся и начал шарить рукой по тумбочке, ищи очки. — Ему, что ли, не надо вставать?

— Нет!

— Так нечестно!

— Знаю. Жизнь вообще дерьмо. — Мартин появился в дверях с водяным пистолетом в руке. — Ну-ка, просыпайтесь!

Он выпустил в обоих по струе воды. Такер послал его очень далеко, а Джейсон зафыркал и стал протестовать: он ведь и так уже на ногах!

— Вы у меня доиграетесь — еще и шланг принесу, — сказал Мартин. — Чтоб через пять минут были в столовой. Колин, а ты спускайся, когда будешь готов.

— С хера ли ему такие привилегии? — возмутился Такер, но Мартина уже не было. Я улыбнулся, перевернулся на другой бок и снова заснул.

В приемнике № 8 мне нравилось. Сытная еда три раза в день, отдельная кровать и гвалт еще четырнадцати мальчишек, заглушающий голоса в голове. Помимо Джейсона — славного малого, который прихватывал для меня «Орео» всякий раз, когда ему удавалось потихоньку забраться в кладовую, — и Такера, порядочного засранца, — другие ребята в основном не обращали на меня никакого внимания. Если долго не разговаривать, люди в конце концов перестают воспринимать тебя как диковину и начинают смотреть как на мебель, что меня вполне устраивало. Мне нравилось растворяться в общем хаосе настолько, что меня как будто и не было вовсе. Иногда Алисия или кто-то из дневных сотрудников

вспоминал о моем существовании — улучив свободную минутку, они отводили меня в сторону, говорили что-нибудь ласковое, успокаивающе клали руку на плечо, а мне больше ничего и не надо было.

Но я понимал, что долго так продолжаться не может.

Первыми вышли из терпения копы. Им хотелось уже закрыть дело о подростке, найденном в снегу, и перейти к другим делам. Они прислали пару следователей для беседы. Диана, дневной администратор, как раз пришла сменить Алисию и взялась гонять мальчишек от двери, пока Алисия сидела рядом со мной в холле. Следователи уселись напротив, достали блокноты и ручки, а я сидел, опустив голову и неотрывно глядя в пол. Один из них, тот, что повыше, с остриженной под машинку головой — видно, за несколько лет на гражданке от армии так до конца и не отвык, — с первой минуты глядел на меня очень пристально, и мне это не понравилось.

— Нам нужно знать твое имя, сынок, — после более или менее вежливого вступления сказал наконец тот, что поменьше ростом.

Я стал раскачиваться в кресле взад-вперед и грызть ноготь на большом пальце. Вряд ли этот спектакль теперь сработает, но попытка не пытка.

— Ты что, сбежал из дома? — спросил невысокий следователь. — Тебя там обижали?

Я ничего не ответил, а Алисия успокаивающе положила мне руку на колено.

— Мы можем тебя защитить, — продолжал он, — но нам нужно знать, кто ты.